

НАРЕЧИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕПРЕДНАМЕРЕННОГО ДЕЙСТВИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ – ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

С. В. Чиронов

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье на основе корпусных данных прослеживаются характерные ситуации употребления группы японских наречий со значением непреднамеренности действия. Их прагматические потенциалы выявляются в увязке со структурой значения этих единиц. Чтобы внести дополнительную ясность в разграничение функций в речи, применяется, в частности, анализ сходных единиц в одинаковом окружении. Полученные данные показывают, что помимо основной своей речевой функции – констатации непреднамеренного действия – адвербиалы развивают набор дополнительных конвенциональных прагматических «профилей». Специализация конкретных наречий среди этих вторичных значений тесно связана с их семантикой, по которой они могут быть объединены в три группы – по семам произвольности (неконтролируемости), непреднамеренности и случайности.

Ключевые слова: японский язык, речевой акт, наречие, лингвистическая прагматика, семантика, произвольное действие.

В рамках теории речевых актов (РА) принято считать, что интенции говорящего (Г) получают в речи выражение в виде т.н. индикаторов иллокутивной силы высказывания (illocutionary

force indicating devices – IFIDs) – функциональной категории, получающей неоднородное материальное наполнение от языка к языку [4]. Ещё в ранних работах одного из авторов термина – Д. Вандервекена среди таких индикаторов указаны наречия. Покуда теория РА воспринимает язык как орудие социального действия, то представляется логичным, что в ряде средств иллюкутивной индикации особую позицию должны занимать наречия, связанные с оценкой действий собеседников. При этом одинаково «заряжены» на транслирование иллюкутивных смыслов, вероятно, должны быть как наречия, подчёркивающие осознанный, намеренный статус действия, так и единицы с обратным значением. В настоящей статье последние будут рассмотрены на примере японского языка.

Указанный круг лексем уже становился предметом изучения лингвистов как в рамках обширной программы лексикографических исследований (например, программные работы Т. Кояно [16], статьи толковых словарей Т. Кунихиро и других авторов [9]), так и в функциональном свете (цикл текстов Х. Кудо, касающихся различных групп наречий [8]). Имеющиеся результаты анализа, в том числе и сравнительного, отдельных лексем японскими, китайскими и корейскими учёными [6; 7; 14] были обобщены в диссертации Ли Тхэгуна [13]. Используя эти доступные наработки, мы пытаемся взглянуть на группу наречий в несколько другом ракурсе – с точки зрения прагматического потенциала их применения в речи. Для наблюдения за контекстом и ситуациями употребления мы привлекаем корпусные данные [17]. Тем самым мы ещё и отчасти компенсируем проблематичность наших возможностей использовать для анализа собственную языковую интуицию, являющуюся прерогативой носителей, что должно повысить валидность исследования.

В подробной классификации наречий у Ли Тхэгуна интересующие нас единицы выделяются по семантическому признаку [-Намерение]. Далее в качестве критерия вводится осознанность действия, что позволяет выделить две основные подгруппы наречий: [-Осознанность] – *omowazu*, *muishiki-ni* и др. и [+Осознанность] – *tsui*, *ukkari* и др. В качестве дополнительных обозначены оценочность, объективность или субъективность отражения, а также аспектуальная характеристика моментальности [13, с. 65 и далее]. Несколько удивительным образом для столь под-

робной классификации в ней оказываются не разграничены наречия характеристики действий и когнитивных процессов. Вероятно, это происходит вследствие опоры на сугубо семантические критерии в отсутствие функциональной перспективы, где, конечно же, сообщения о своих наблюдениях и прямая сентенция о действиях собеседника или своих собственных вносят совершенно разный вклад в речевое взаимодействие. Мы оставляем за рамками наших рассуждений наречия, характеризующие а) незаметное для субъекта изменение когнитивной среды, как *futo*, *itsunomanika* и *shirazushirazu-ni*, *nantonaku*, *nandaka* – отчасти уже рассматривавшиеся в составе наречий со значением эвиденциальности [2], а также б) действия, осознанно или неосознанно совершаемые незаметно для субъекта восприятия: *nanigenaku*, *soretonaku*, *dokotonaku* (это, разумеется, не делает само действие несколько менее осознанным). При таком подходе предложенная классификация несколько видоизменяется. «Распараллеленные» критерии осознанности и критической оценки, после того как из характеристик осознанных действий удаляются представители пункта «б» выше (не получающие однозначной негативной оценки), вновь оказываются увязанными: все осознанно, но произвольно совершаемые действия оказываются связаны с критической оценкой. Критерий объективности или субъективности, первоначально положенный в основу линейной классификации наречий у Ю. Сакаи [10, с. 103] и иллюстрируемый у Ли на примере двух наречий характеристики когнитивного процесса – *itsunomanika* и *shirazushirazu-ni* – нам представляется продуктивным преобразовать в иллокутивно существенный параметр лица (об этом ниже). Наконец, семантический признак моментальности (семельфактивности), как таковой нерелевантный для иллокутивного статуса высказывания, мы лишь затронем в преломлении общих аспектуальных характеристик действия, из которых с точки зрения интенций говорящего, безусловно, решающее значение имеет другой параметр – обычности происходящего.

Ниже мы подробнее остановимся на проявляющихся в различных ситуациях употребления прагматических потенциях наречий двух указанных групп: 1) *omowazu*, *muishiki-ni*, *wareshirazu*, 2) *tsui* и его редупликат *tsuitsui* (не рассматривается у Ли), этимологически родственные *ukkari* и *ukauka*, *ukatsu-ni*,

ukatsu-ni-mo. В контексте способов вербализации идеи неосознанности действия мы считаем важным затронуть также такую смежную характеристику действия, как случайность, тесно связанную с параметром неосознанности. Для этого мы привлекаем данные по ещё двум наречиям с этим значением – *tamatata* и *guuzen*.

1. Представители первой группы наречий описывают «настоящему нечаянное» действие. Так, наречию ***otowazu*** приписывается прототипическая ситуация рефлекторного, самопроизвольного действия, часто физиологической реакции [13, 108-109], что подтверждается в корпусе сочетаниями с такими глаголами, как *warau* = *засмеяться* / *улыбнуться* (17 вхождений), *namidagutu* = *заплакать* (5). Более того, в 161 из 500 случаев употребления в блогах основной глагол сопровождается видовым модификатором *shimau* со значением неожиданности и неконтролируемости действия (ср., напр, инфикс *-chix-* в монгольском). Структура значения, организуемого вокруг прототипа, предполагает наличие периферии, где указанные характеристики могут не выдерживаться. В случае *otowazu* это, во-первых, случаи, где наречие характеризует, строго говоря, вовсе не неосознанное действие, см. 16 вхождений с глаголом *kau* = *покупать*, 7 с *toru* (撮る) *снимать* (фото):

ダンナがお勧めしてくれたので思わず買ってしまいました。
// Муж посоветовал, и я **не задумываясь** купила (блог 2008) [17].

Во-вторых, действие, строго говоря, может не предприниматься субъектом, а представлять собой некоторое физиологическое явление или ощущение, в том числе лишь возникновение желания совершить действие (основной глагол с показателями волитива + инхюатива *-taku naru* = ср. рус. *хочется* встречается в 3 случае из 500 вхождений в блогах): 操縦桿を握る手に**思わず力が入る**。// Рука **непроизвольно** сжимает штурвал (Белая книга по обороне 1979) [17]

По своей внутренней форме *otowazu* представляет собой застывшее (то есть, например, более не принимающее стандартного расширения на *-ni*) отрицательное деепричастие от глагола *omou* = *думать*. Ли Тхэгун упоминает об этом, внедряя в экспликацию элемент «у деятеля нет времени задуматься (о выполнении действия)». Такого рода сжатие во временной ткани

повествования, естественно, ведёт к усилению драматического эффекта, повышению яркости и наглядности, ощущения «как будто сам там был». Поскольку рассказываемое представляется как «прямая трансляция» действий и ощущений Г, это придаёт рассказу Г о своём опыте большую живость и непосредственность:

オレ、思わず「膝、大丈夫??」って思ったよー。// Я прямо невольно подумал – а как колено? В порядке? (блог 2008) [17].

Слово встречается в основном в художественной литературе и блогосфере – жанрах, нацеленных на психологизм, описание внутреннего мира героев. Ли в своём определении приписывает действие «действию либо говорящему». Из данных корпуса можно заключить, что превалирует использование наречия в 1-м лице, то есть в ситуации их совпадения. Если же повествование ведётся в 3-м лице, то, как правило, оно ведётся в режиме т.н. свободной косвенной речи, при котором автор как будто находится в голове героя, эмпатизирует и ассоциируется с ним. Данный приём эмпатии получает чуть иное применение в газетах, где использование в обобщённо-личном значении создаёт эффект идентификации читателя с фиктивным субъектом восприятия и тем самым работает на подкрепление авторской линии аргументации:

この本にのっているこんな言葉に私たちは、思わずエリを正してみたくなる。// От таких слов в этой книге **невольно** хочется распрямить плечи (газета «Майнити» 4.04.2005), ср. 選手村も見た。高揚感があった。思わず「すげえ」と声が出た。// И Олимпийскую деревню посмотрели. **Невольно** вырвалось: ух ты! (газета «Ниси нихон симбун» 27.07.2004) [17].

Замешанный здесь стереотип о верности первой интуитивной реакции – «если что-то происходит само собой, то значит, это правильно» – эксплуатируется и в публичной риторике, где, конечно же, цели манипуляции ставятся выше задачи достоверно передать психологическое состояние:

中には、答弁を聞いた私も思わず泣きそうになるというケースもあるわけございまして.. // Есть и такие случаи, когда, слушая свидетеля, **сдерживаешься** чтобы не заплакать (парламентская стенограмма 2005) [17].

Следует обратить внимание на идею реакции на внешний стимул, заложенную в экспликацию действия как рефлекторной

реакции. Таким образом в прототипическую семантическую структуру (фрейм) ситуации, описываемой наречием, вводится такой элемент, как Источник воздействия – та сила, которая заставляет субъекта предпринять действие. Для тех из указанных контекстов, где основной целью не является передать внутреннее состояние Г (экспрессивы, по принятым в теории РА классификациям) это означает акцент в высказывании на характеристику такого внешнего (по отношению к Г) явления. В описании такого явления личный опыт Г становится тем более весомым аргументом, чем более наглядные средства для него задействуются. Эта деталь – наличие внешнего стимула – критическим образом отличает от *otowazu* два других наречия первой группы, для которых ввиду этого обстоятельства нехарактерно использование в аргументативных, манипулятивных контекстах. Кратко разберём их.

Ю. Сакаи указывает на ограничение сочетаемости ***muishikini***: по принципу исключения семантического дублирования [10]. Данный адвербиал (дословно *бессознательно*) не встречается в описаниях физиологических процессов, которые изначально протекают неосознанно. Но в описаниях интуитивно предпринимаемых действий – напр., *hataraku* = *работать*, *tsukai* = *пользоваться* (4), *negai* = *желать*, *ashi-o hayameru* = *ускорить шаг*, *hannoo-suri* = *отреагировать* (2), он информативен и обычно составляет периферийный компонент ремы. Показательно, что в парламенте слово не используется:

昨年、「改革」を叫んで、高支持率を得た小泉純一郎首相。無意識にCM手法を取り入れ、成功した。// В том году Коидзуми добился высоких рейтингов, пообещав реформы. Успеху помогли **подсознательно** усвоенные рекламные приёмы (газета «Хоккайдо симбун» 6.08.2002). Ср. 歩くうち、点滅のスピードに、自分の歩クリズムを無意識に合わせていることに気づいた。// Я заметил, что **бессознательно** подстраиваю ритм ходьбы под мигание сигнала (газета «Санкэй симбун» 4.01.2002) [17].

Напротив, ***ware-shirazu*** используется в описаниях исключительно физиологических явлений: 呼吸を止める = *задержат дыхание*, 息を呑んだ = *вздохнул*, 泣き叫び = *закричала*, 眼をしばたいた = *заморгала*, 身体を震わせた = *вздрыгнула*, 喉が鳴るの = *сглотнула*. В корпусе встречаются лишь примеры из

худлита, причём не лишённые определённой претензии на «высокий стиль», что в принципе отвечает этимологии выражения (досл. «сам не знал»): 我知らず深い吐息がもれこぼれた// у меня *невольнo* вырвался глубокий вздох.

2. Вторая группа наречий связана с внутренне более сложной идеей осознанного, но непреднамеренного осуществления действия. Причин для возникновения такой, казалось бы, противоречивой ситуации может быть две: недостаточные возможности субъекта проконтролировать своё поведение (сдержаться) и недостаточное внимание [8; 9; 15]. Первое имеет место в случае наречия *tsui*. Источник внешнего воздействия здесь менее конкретизирован, чем для *otowazu*, как онтологически, так и с точки зрения временных рамок. Это то, что Ли называет «положением, в которое поставлен деятель» [13, с. 110]. Другой элемент фрейма – само действие, которое в прототипе получает негативную оценочную характеристику, представляется чем-то предосудительным. Предосудительность проистекает из обыденного представления о том, что человек в целом и общем способен и должен контролировать свои поступки. В рассказе о своих действиях такое высказывание звучит как Признание, Исповедь. Г не использует свои действия для подтверждения своей позиции, не бравирует своими «нормальными» реакциями, а делится переживаниями. А. Мураками говорит в связи с этим даже о «раскаянии» Г в своём действии [11]:

今朝、ダンナを駅まで車で送った帰り、質問を考えててつい、ウインカーを出すのを忘れて左折した。次は信号無視でもしちゃうかと思うとコワイ// *Сегодня утром отвезла мужа на станцию и по дороге домой и потом, вся в мыслях, случайно забыла включить поворотник. Так и светофор проскочу, ужас!* (сайт полезных советов 2005), ср. 「噴水見てたらテンション上がっちゃって。つい、触っちゃった。(笑)それでみんなに笑われた。// *Смотрела на фонтан и так напряглась, что прямо потянулась к воде. Насмешила всех* (блог 2008) [17].

Если с *otowazu* действие естественное, само собой разумеющееся, то в случае *tsui* «допризнаваться» можно и в чём-то из ряда вон выходящем:

1歳3ヶ月になる息子が可愛くて可愛くて・・つい、噛んでしまいます(優しくですが)^^;ダンナに見られて「ヘンタイ」と言われたので// *Малыш, год и 3 месяца, такой*

миленький, такой миленький! Ну я взяла и укусила. **Само собой как-то. Нежно, конечно. А мой говорит – извращенка**» (там же).

Правда, в многогранной речевой практике сопровождающее непреднамеренное действие условие негатива может размываться. Тогда на передний план выходит безвольность субъекта перед лицом внешнего стимула, а само высказывание приобретает элемент кокетства, игры. Действительно, в коллокациях среди наиболее частотных обозначений «пагубных» действий мы видим такие безобидные глаголы, как *kau* = *покупать* (33 вхождения), *taberu* = *есть* (17), *nomi* = *пить* (9). Непроизвольность действия подтверждается повышенной частотностью оформления глагола *shimau* (145 вхождений из 500):

雑草ですが・・・以外に可愛くて・・・つい、写真に撮りました。// Сорняки, конечно... Но так красиво... Я **прямо не удержался и сфоткал** (там же).

Соотнесённая с ещё не совершённым собственным действием, такая «самокритика» может составлять мотивировку Отказа. Это та жертва, которую Г приносит (пусть фигурально) за ущерб социальному лицу собеседника:

粗食に馴れていて、こちらの御馳走をいただくと、つい食べすぎて腹をこわすとおっしゃって、断ってしまわれたんです。// Говорит, привык к грубой пище, а от вашего угощения, мол, **сам не замечаю как переедаю, а потом мучаюсь. И отказался.** (С.Сэтоути «Шарик» 1991) [17].

В безличных предложениях, помимо Жалоб (на слабость человеческой природы) или Критики, непреднамеренное действие, будучи увязано со 2-м лицом, фигурирует в контексте Предупреждения:

また、食事がうまくなるのでつい食べ過ぎて太るということがあります。そのために食事を制限するよういいました。// Ещё еда кажется вкуснее, начинаешь **невольно переедать, толстеешь. Поэтому велели ограничивать себя** (С. Така «Потихоньку бросаем курить» 2003) [17].

Т. Кояно [16, с. 57] указывает на употребительность этого наречия в описании постоянно, обычно происходящих негативных явлений. Данные корпуса подтверждают этот тезис появлением в грамматическом оформлении сказуемого форманта *-gachi* (11 вхождений) и протосубстантивной конструкции с *mono* (3), которые означают тенденцию к возникновению явления:

私たちはつい、親というのは子よりも知識も経験も積んでいるものだと考えがちです。大谷 光真朝には紅顔ありて // Мы обычно **неосознанно** полагаем, что у родителей и знаний, и опыта больше (М.Оя «Румяное лицо утра» 2003) [17]. Ср. 畑から抜かれたばかりというような、緑の葉が茂った大根を見ると使う予定がなくてもつい、買ってしまふもの。// Когда видишь как будто только что выдернутый из грядки дайкон с пышным пучком зелёной ботвы, **невольно** покупаешь, даже если не планировал использовать в готовке («Здоровая еда от Эн-Эйч-Кей» 2001) [17].

В ещё большей степени эта тенденция характерна для **tsuitsui**. Как редупликат это наречие иконически указывает либо на частотность, либо на более продолжительный (по сравнению с моментно-результативным *tsui*) процесс сопротивления субъекта Источнику воздействия. В обоих случаях исход этой «борьбы» приобретает тем больший вес в высказывании, чем ближе слово продвигается к рематическому фокусу. Состав коллокаций тот же – это глаголы *kau* = *покупать* (21, в т.ч. 17 в блогах), *taberu* = *есть* (15, в блогах 12), *nomu* = *пить* (9), *iu* = *говорить* и *omou* = *думать* (3). Именно фактор частотности, видимо, обуславливает преобладание банальных, обычных действий:

お花を見るとついつい撮影したくなるので// *Смотришь на цветы, и безотчётно хочется запечатлеть их на плёнке* (блог 2008) [17].

Ничем не подкреплённый тезис о распространённости действия, сопровождаемый его эмоциональной оценкой, либо повышенное внимание к перипетиям собственных психологических процессов делают высказывания менее пригодными к стратегичной, манипулятивной публичной речи, и в основном мы видим в корпусе примеры из блогов и устной речи в художественных произведениях. Вербализации того, что явление составляет тенденцию, уже не происходит (в целях избежания тавтологии, раз это уже фигурирует в сигнификате), но распространены упомянутый выше показатель неподконтрольности действия *shimau* (15 случаев – почти все вхождения в блогах), конструкция типа «не могу не»:

どんぐりを見つけるとうれしくなつてついつい、拾わずにはいられません// *Найти жёлудь так приятно, что **невольно** хочется его поднять* (там же).

Г как будто удивляется и испытывает неловкость от недостатка контроля на своей стороне, что подводит его к критическому осмыслению своих действий. Такими же негативными оценками обычно продолжается высказывание об обычном положении вещей:

これが、なれないと、と~~~~~っても、やりにくい
いつい、マウスに手がいってしまうんだな~~~~慣れ、
つて、おそろいすねえ// *Пока не привыкнешь, трудно, то и
дело рука тянется за мышкой. Вот привычка! Ужас.* (там же)

Только для *tsuitsui* находим случаи изолированного употребления, невозможные для *tsui*. Значение «обычно несмотря на усилия субъекта происходит одно и то же негативное явление» здесь достаточно ясно, чтобы функционировать как маркер иллокутивного акта Жалобы:

昨日の夜も「ついつい」食べ過ぎてしまったのでした
(笑)(そーなの。いつも・・ついつい・・なんだよねえ//
Вот и вчера вечером «не знаю как» переел (смеётся). Так всегда. Сам не знаю как. Точно сказано (там же).

Причиной негативно оцениваемого действия субъекта в случае наречия *ukkari* (и близких к нему этимологически слов [12]) становится «недостаточное внимание» деятеля [13, с. 154]. Слово встречается в основном в блогах, художественной прозе, незначительное число примеров находим в парламентских стенограммах; примеров из газет нет. Круг нежелательных действий субъекта шире, причём в него входят в основном не такие, которые однозначно оцениваются как проступки в глазах общественной конвенции, а наносящие ущерб интересам Г: *kuchi-o suberasu* = *проговориться* (9), *tachigaeru* = *ошибиться* (4), *noserareru* = *развели* (2). Существует даже производное из «слепившихся» слов «невольно» + «оплошность» - *ukkarimisu*. Непреднамеренность действия особенно подчёркивается – из 500 наиболее свежих примеров в выборке в 119 глагол употреблён с показателем *shimau*.

Совершение действия по невниманию относится к таким фактам психологической реальности, о которых с уверенностью может говорить лишь сам субъект (в этом они схожи с категорией т.н. психологических предикатов, проявляющих ограничения на сочетаемость по лицам как в японском, так и в других языках, ср. англ. *?You are sad*, рус. **вам грустно!*). То есть,

строго говоря, в индикативе в порядке повествования о фактах слово может встречаться либо в иллокутивном акте Изложения своих действий (account), либо в Реконструкции психической реальности другого человека. В первом случае в высказывании появляется элемент извинений, хотя он не может сделаться центральным в силу того, что строгость суждения о действии блокируется отсутствием волевого элемента в нём («я виноват, что не проследил, но не виноват, что сделал»). Как правило, до формальных извинений в дальнейших фразах не доходит, то есть, имеет место тот случай, когда простое указание на своё негативное действие уже выполняет функцию компенсации ущерба лицу адресата (redress):

一度だけですが、私がおっかり忘れた分ですね。// *Всего раз я забыл по невнимательности* (блог 2008), ср. スッキリ! の方も、おっかり忘れてたよ、ママ。// *И «освежиться» я тоже по рассеянности забыл, мама.*, ср. ちょうど同じ時間ごろに別の商品を落札した方からキャンセルの連絡があり、おっかりほかの落札者を取り消してしまいました。// *Как раз в это время от выигравшего на другом аукционе поступил отказ, и я случайно аннулировал все результаты.* (там же)

В речи парламентария (где, насколько судить, этикетно-вежливостные требования соблюдаются несколько более аккуратно), бегахитативный микро-РА извинения маркируется интенсификатором *chotto* (омоним деинтенсифицирующего наречия степени, хотя такая трактовка исключена ввиду места в начале предложения, на максимальном удалении от глагольной группы). Здесь также РА Извинение микроуровня не самостоятелен, а вклеен в макро-РА:

ちょっと私おっかりしてしまって、どういう御質問の趣旨が聞き逃したのですが、根拠ということで.....// *Я как раз отвлёкся и прослушал, что именно Вы хотели спросить... в смысле оснований...* (парламентская стенограмма) [17].

Иначе функционирует упоминание о негативно воспринимаемых действиях в различных нереальных контекстах, где может встречаться *ikkari*. На эту особенность наречия обращает особое внимание Т. Кояно [16]. В корпусе мы находим примеры его употребления в контекстах с отрицанием при выражениях нежелания (чтобы совершалось негативное событие), коммисиве-отказе через потенциалис («не могу совершать действие,

которое приведёт к негативным последствиям»). В условном придаточном, *ikkari* соотносится с нежелательным действием в контексте предупреждения, запрета. В таких случаях субъект действия не 1-е лицо, а скорее адресат сообщения (А), см. Предупреждение:

うっかりセーブしてしまうとハマる恐れがあるので要注意ですな。// Если **по рассеянности** это сохранить, то можно налететь, будьте осторожны! ср. уっかり塩辛くしてしまうと, 元に戻しようがありませんので気をつけましょう。// Если **вдруг** пересолил – исправить уже нельзя, нужно внимание! (блог 2008) [17].

Функция *ikkari* здесь – снизить накал предупреждения, заранее сняв с А ответственность за неправильное действие (в намерении совершить которое его пока невозможно упрекнуть). Если из фраз убрать *ikkari*, образ Г как коммуниканта меняется в сторону большей подозрительности и агрессивности. Таким образом, здесь проявляется действие фактора вежливости.

Предупреждение может относиться и к самому Г, работая в режиме монолога. Тогда в нём проявляется элемент снятия с себя ответственности:

9月下旬頃の陽気だそうで...寧ろ...肌寒い感じで...、うっかりしていると...風邪を引きそう。// Конец сентября солнечный... ласковый...но уже прохладно, **чуть зазевался** – и простынешь того и гляди (там же).

В единичном примере обезличенной коммуникации в официальном контексте, где упоминаемые в 3 лице граждане выполняют роль А, или 2-го лица, с точки зрения коллективного 1-го лица – администрации, либо намеренное, либо механическое предельное распыление ответственности («мы не утверждаем, что кто-то совершает действие нарочно») приводит к обнулению критических характеристик описываемого действия:

事務手続の待ち時間がある来訪者の視聴に供したり, うっかりして免許証の更新を忘れた人に対してその旨の通報をしたりしてサービスの改善に努めて// С целью повышения качества услуг по информированию посетителей о времени ожидания, а также предупреждения лиц, которые могли **случайно** забыть удостоверение... (Белая книга полиции 1978) [17].

Рассматривая сочетаемость *ikkari* в контекстах с отрицанием, Т. Кояно приводит интересный пример, подтверждающий

возможность двоякого употребления наречия: 彼はうっかり手紙を出した/出さなかった。// Он по невнимательности {0/не} отправил письмо [16]. Данный тип контекстов демонстрирует важную дискурсивную функцию этого слова, которое фактически становится маркером оценки действия со стороны Г. Модифицируя обозначение некоего действия, которое само по себе может оцениваться по-разному, наречие позволяет А составить однозначное представление о направленности оценки. Таким образом, слово является «переносчиком» оценочных пресуппозиций, регулирующих воздействие на собеседника в процессе коммуникативного обмена. К увязке же с отрицанием, которую верно опровергает Т. Кояно, это имеет лишь то отношение, что негативно оцениваемое действие упоминается в РА с элементом (семой) отрицания (запретах и т.п.).

Наречие *ukatsu-ni* используется в контекстах тех же типов, но с более чётким оценочным элементом, превосходящим психологическую «ужимку» в *ukkari*. Действие – не столько невольное, сколько непросчитанное, необдуманное, а это уже повод для критики. Появляются примеры из газет:

うかつに個人情報を送ると、ある日突然、ネットショッピングによる高額の請求が舞い込むと// *Бездумно* отправляя свои данные, вы рискуете однажды получить счёт на круглую сумму от интернет-магазина (газета «Майнити» 9.06.2004) [17].

Тон (и грамматическое оформление) директивных контекстов, также направленных на предотвращение негативного действия (нефактивный контекст с привязкой ко 2-му лицу), становится жёстче, ближе к команде:

うかつにクリックしないようにね。// *Смотрите случайно не кликните мышкой!* (сайт полезных советов «Яху» 2005), ср. うかつにオイシイ話に飛びつかないこと。// *Никаких необдуманных прыжков за всякими замечательными предложениями!* («Житейская мудрость для слишком серьёзных» 2004) [17].

В контексте Отказа, в отличие от *tsui*, наречие относится к тому самому действию, к которому призывают Г и которое он находит неправильным. Иная модель с потенциалисом в разрешительном значении (1-е лицо, допустимость). Без вербализации отрицательного комиссива оценочное суждение о действии запускает у А инферентивный механизм вычисления импликатуры:

政治家は結果に責任を持たにやいかぬとよく言われておりますので、いよいよこれはうかつに賛成できないということになりました // *Часто говорят, что политик должен отвечать за результаты, но, получается, большие бездумно верить в это нельзя.* (парламентская стенограмма 1981), ср. 私もうかつにここでちょっと答弁するわけにまいりませんので // *Я, пожалуйста, не должен, не обдумав всё как следует, давать ответ сейчас* (то же, 1976), ср. также: 「すぐじゃないです」「相手の人間性を見抜くまでは、うかつに喋れないんじゃないですか」 // «Ну сразу и не надо» «Так разве можно начинать разговор без подготовки ещё до того, как хорошо узнал визави» (А. Сасакура «Презумпция виновности» 1996) [17].

С добавлением *-то* наречия образуют специализированную форму для вводного (парентетического) употребления, стандартно предназначенного для «попутного» (не меняющего хода рассуждения и последовательности РА микроуровня) выражения оценки Г описываемого положения вещей (см. [1]). Как свидетельствуют данные корпуса (28 случаев употребления в книгах, 3 в блогах), в современном японском языке форма *ukatsu-ni-mo* заточена под специфическую функцию «самобичевания» в контекстах, где речь идёт о действиях 1-го лица (либо героя – объекта авторской эмпатии):

私もうかつにも受賞者は自動的にその短篇が掲載されるものと思っていた。 // *Я по скудоумию предполагал, что фильм победителя автоматически будет включён в программу* (М. Нарита «Касательство к мотиву» 2001) [17].

Даже в речи «не про себя» переживание стыдящегося оказывается «вклеено» в контекст на правах своего рода полуцитаты (нечто вроде «пузыря» в комиксах), добавляющей наглядности рассуждениям:

発送サイズは梱包してみないと分からないから、だいたいのサイズをうかつにも言えないというのが現状ではないですか？ // *Габариты будут известны только после упаковки, удивительно ли, что никто не будет тыкать пальцем в небо, сообщая ещё не известные размеры* (сайт полезных советов 2005) [17].

Стоит обратить внимание на то, что тяжесть проступка, подвергаемого критической оценке, явно невелика. Положение либо не столь критично, либо его ещё можно исправить. А сам

микроэпизод в речи носит скорее характер украшения, речевого мордента, чем даже искреннего извинения перед А.

Наречия *ukauka* и *ukkari* представляют собой тип словообразования по модели, устойчиво просматривающейся в сфере звукосимволической лексики японского языка [3]. При этом связь их с самими идеофонами просматривается лишь в слабой степени на уровне ассоциаций между *ukauka* и, например, *fukafuka* (о лёгком, вздувающимся), а также корнем *uk-*, как в глаголе *uku* парить/плыть на поверхности, в строгом смысле не являющемся звукоизобразительным. Слово синоиероглифического происхождения *ukatsu-ni* (словообразовательная модель с дублированием иероглифов со сходным значением «обходить» + «дальний, огульный»), по сути, было притянута к этой группе в результате переосмысления исходного значения. Таким образом, мы имеем дело с интересным пограничным случаем распространения закономерностей, действующих в относительно изолированной оноματοпоэтической среде, на общий массив лексики в условиях бедности словообразовательных моделей. Так или иначе, редупликат *ukauka* при этом стандартным образом специализируется на характеристике не одновременного необдуманного действия (как *ukkari*), а длительного, постоянно-го явления. В данном случае критически расценивается бездействие, незадумчивость (любого лица) не как локализованный во времени психологический феномен, а как внешнее проявление поведения, отношения к вещам, существующего на временном отрезке с нечёткими границами, в духе обстоятельства образа действия:

親友の眠っている横で、平気でその婚約者を誘う千春への憎しみ。その誘いにかうか乗ってしまった自分に対する自己嫌悪—そんな感情がごちゃ混ぜになって // *Tuxary*, устроившая свадьбу почти на могиле друга, была мне ненавистна. К этому примешивалось отвращение к себе, *легкомысленно* принявшему это приглашение... (М. Нэдзимэ «Дневной папа, ночной сын» 1994) [17].

Критика неконкретного лица как РА Предупреждения может выводить на предложение более рациональной линии поведения. Но в любом случае вес упоминания о действии и его характеристики в цепочке высказываний весьма велик, что резко контрастирует с вводным употреблением *ukatsu-ni-mo*:

これからは医療費も高くなるので、うかうか病気もしてられません。そこで、胚芽米。若返りのビタミンEに // *Теперь лечение будет всё дороже, уже по глупости не поболеешь. Так что вот – коричневый рис, витамин E... (К. Нагаяма «Еда на 1000 лет» 2002), ср. それなのに、うかうかと大使館を離れ、まんまと敵襲を受けるとは... // Но чтобы вот так глупо уехать из посольства, подставиться под пули... (К. Акаги «Последняя битва империи» 1998) [17].*

3. Различение нескольких наречий со значением «случайности» в японском языке представляет собой интересный случай внутриязыковой рефлексии о природе контролируемости и преднамеренности действия как такового. Значение «чистой случайности» в данном смысле закрепляется за **guuzen**, которому в толковых словарях приписывается значение «отсутствия обусловленности» действия (хотя общеизвестны, например, рассуждения Л.Н. Толстого в эпилоге «Войны и мира» о случайности как ещё не познанной обусловленности и необходимости). Чжан [15] выделяет в характеристике события такие элементы, как отсутствие закономерностей и предсказуемости. Неслучайно (как в этом самом предложении!) именно это слово используется в качестве когнитивного оператора для выведения какого-либо явления из зоны «необъяснимого» («случайного») в зону ещё не объяснённого, но потенциально объяснимого (часто как риторический приём перед предоставлением объяснений). При этом сам итог этого «выведения» является лишь вариантом итога определённой когнитивной процедуры (поиска причин), след которой в любом случае отпечатывается в смысле высказывания при употреблении данного наречия. То есть, подразумевается, что утверждению о «чистой случайности» некоего события предшествует поиск причин, не увенчавшийся успехом. Это подтверждается возможностью привести доводы, подводящие к характеристике действия как случайного (что неудивительно, если воспринимать случайность как комплексный ментальный конструкт).

道をまちがえて偶然出会った小さな石像 // *Эти каменные изваяния я увидел случайно, сбившись с дороги (газета «Санкэй симбун» 21.05.2001) [17].*

Функция **tamatama** фактически сводится к тому, чтобы обнулить сему контроля субъекта над событиями, так же, как, на-

пример, английская конструкция *happen to do smth.* У действия могли быть какие-либо причины, но ни они, ни в особенности планы деятеля не были связаны с теми событиями, которые затем последовали (см. сочетаемость с волевыми глаголами *iawaseru* = *договориться* (о встрече, 4), *toorikakaru* = *проходить мимо* (3) – коллокации с *guiizen* исключены). Если *guiizen* как бы отсекает «предысторию» события, погружает её во тьму (с точки зрения знаний Г), то оказывается больше обращено в будущее. В таком виде слово может оказываться достаточно близко к смысловому центру предложения и даже составлять такой центр, используясь в РА Объяснения (действий). Корни и причины событий при этом совершенно ясны Г, поиска причин не происходит, и к *tamatama*, которое само функционирует как предельное объяснение, не подводят никакие предварительные рассуждения и аргументы:

福岡県立香椎工業高校で化学を教えている。博志さんが家に置き忘れた漫画版の参考書をたまたま目にしたのが受験のきっかけ。// Я преподаю химию в училище лесхоза в префектуре Фукуока. Поводом для моей заявки было то, что однажды я увидел справочник по манге, который забыл у нас дома Хироси-сан (газета «Санкэй симбун» 10.01.2002), ср. 記憶にあるが、たまたま担当者が行けなくて私が行った。// Помню, тогда так получилось, ответственный не смог, я пошёл за него (газета «Асахи» 5.12.2005) [17].

Разный вес ответственности Г за суждение о случайности события, укоренённый в различном объёме предшествующих ему когнитивных операций, позволяет разграничить «более серьёзные» и «менее серьёзные» события, к характеристике которых соответственно тяготеют *guiizen* и *tamatama*. Нечто похожее, вероятно, имеет в виду К. Ито, исключая из событий, «которые имеет смысл рассматривать как случайности» (в смысле *guiizen*) отдельные категории, например, совпадения (хотя её мотивировка, что они «недостаточно необычны», вероятно, нуждается в уточнении) [5, с. 103]. Действительно, с реляционными предикативами сходства, различия, связи и т.п. мы видим только *tamatama*:

ものには名前がある。しかし、それはたまたま結び付いただけだ。なぜ犬がそうよばれるのかだれも知らない。// У вещи есть названия. Но они лишь случайно связаны с самими

вещами. Неизвестно, почему собака называется собакой (Курс японского языка Мицумуры 2005) [17].

В условиях похожей сочетаемости с глаголами у двух наречий это проявляется при наблюдениях за их употреблением в сходных контекстах. Например, в контексте открытия/обнаружения *tamatata* появляется, когда действию не придаётся особого значения, а *guizen* – с чем-то важным:

スーパーでたまたま見つけて、今年初めての「詰め放題」に挑戦！// Мне в супермаркете **попалось** объявление, и я решил принять участие (блог 2008), также: 散歩の途中で、たまたま見つけて立ち寄った、フレンチとパティスリーのお店。O g g i 2003年5月号 (第12巻第6号) // Эту пекарню я **случайно** обнаружил во время прогулки (журнал «Oggi» №12. вып. 6, май 2003) [17], но: 近所の友達と一緒に赤くなりかけていた実を全部切り取ってしまいました。偶然見つけて注意しましたが、幼稚園などで使い始めたばかりのハサミでいろいろなものを切りたいらしく// С друзьями из соседних домов они срезали все ещё незрелые фрукты. Я **случайно** это обнаружил и заметил, он всё пытается использовать ножницы, которыми только в детском саду (сайт полезных советов 2005), ср. 市内の飲食店前で偶然、容疑者を見掛け、相手に気付かれないよう追跡// **Случайно** обнаружив подозреваемого в кафе, он незаметно приступил к слежке (газета «Тюнити симбун» 11.08.2004), ср. также: ホントは探したというより偶然見つけたんですが。// Вообще я не так искал, как **случайно** нашёл (сайт полезных советов 2005) [17].

По той же причине даже вводное употребление *guizen* оказывается более весомым в речи депутата, для которого *tamatata* (для него употребление в парентетической конструкции невозможно) было бы чересчур легковесно:

偶然にもきょうこの法案の審議に際しまして、再審が多過ぎるというような発言をするのは// **Удивительным образом** именно при обсуждении этого проекта делается замечание о том, что слишком многое рассматривается повторно (парламентская стенограмма 1987) [17].

На основе приведённого анализа можно сделать некоторые выводы о роли и месте наречий со значением непреднамеренного действия в разметке иллокутивных интенций говорящего в речи. Как было показано выше, за словами, фиксирующими

данное значение конвенционально закрепляются разнообразными иллокутивными, или, шире говоря, дискурсивными функциями. Основная их роль связана с их статусом деинтенсификаторов: утверждая непреднамеренность действия, они снижают ответственность деятеля. Относимые к 1-му лицу, они «облегчают» невыгодные Г речевые акты Извинения, Признания, которые, с другой стороны, тем самым становятся легче осуществить (работает своеобразная сделка между интересами Г и А). Будучи же обращены ко 2-му лицу, они понижают степень ущерба социальному лицу собеседника и в этой мере функционируют как элементы речевой вежливости, облегчающей коммуникативный обмен. С другой стороны, функция подкрепления аргументации, заключающаяся в ссылке на «непроизвольные», «натуральные» ощущения санкционируется устойчивым представлением о верности инстинктивных реакций человека.

В свете универсальной моральной нормы (получающей, безусловно, воплощение в языковой презумпции) о том, что человек должен осознанно действовать во благо, само по себе произведение действий непреднамеренно автоматически предполагает критическое отношение к таким действиям, и указание на этот факт само по себе служит маркером такого отношения. Правда, как мы убедились, в целом ряде случаев этот механизм задействуется в своего рода языковой игре, когда говорящий кокетливо или цинично бравит своей слабостью и неспособностью сопротивляться «силам природы», либо подставляет вместо достойного критики проступка мелкое, тривиальное прегрешение вроде ненужной покупки или лишнего фотоснимка. Доля такого типа высказываний возрастает именно в свежих примерах, особенно в электронных источниках, при том, что основная масса «жестких суждений» остаётся в традиционных СМИ, речи немолодых публичных деятелей и даже по времени относится к последней трети XX в. (см. примеры), и здесь в языке, наверное, проявляется значимая общественная тенденция. Релятивист, играющий с моралью, переживший провал утопических программ по исправлению человека и мира, постмодернистский человек не осуждает, не раскаивается и не извиняется, а воспринимает себя таким, какой он есть.

Список литературы

1. Чиринов С. В. Вводные обороты оценки в японском языке // Достижения вузовской науки. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции г. Новосибирск, 2 февраля, 19 февраля 2016 г. (под об. ред. С. С. Чернова). С. 212-225.
2. Чиринов С. В. Модальные наречия эвиденциальной семантики в японском языке [Текст] // Достижения вузовской науки. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции г. Новосибирск, 2 февраля, 19 февраля 2016 г. (об. ред. С. С. Чернова). С. 225-234.
3. Чиринов С. В. Ономастопозитивные слова в современном японском языке (проблемы функционирования). Дисс. канд. филол. н., Москва, 2004. 208 с.
4. Searle J. R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge University Press, 1985. 231 с.
5. 伊藤加奈子 「中国語の“偶然”に関するノート」 『信州大学人文学部人文科学論集.文化コミュニケーション学科編』 Ито К. Заметки о китайском слове *uran*. Труды по гуманитарным дисциплинам, ун-т Синсю, 2006. № 3. С. 103-110.
6. 河原崎 幹夫. 副詞の導入の具体的研究4: つい・うっかり. 東京外国語大学外国語学部附属日本語学校 (Каварадзаки М. Исследования случаев внедрения наречий – часть 4: *tsui*, *ukkari*. Собрание работ Токийского университета иностранных языков, 1978. № 5. С. 123-135.
7. 金承偶 「非意凶性を表す副詞の一考察・「ふと」と「思わず」をめぐって」 『日本文化學報』 Ким Суну. Наблюдения за наречиями со значением непреднамеренного действия – *futo* и *omowazu*. «Нихон бункагаку-хо», 2010 № 2. С. 67-86.
8. 工藤浩 「叙法副詞の意味と機能—その記述方法をもとめて—」 『国立国語研究所報告 7 1 研究報告集 3』 Кудо Х. Значение и функции наречий – в поисках методики описания. Доклады Национального института японского языка. Вып. 71, сборник докладов №3, 1982. С. 45-92.
9. 国広哲弥、柴田武、長嶋善郎、山田進、浅野百合子 . ことばの意味3辞書に書いてないこと . 平凡社選書 Кунихиро Т., Сибата Т., Нагасима Ё., Ямада С., Асано Ю. Значение слова – 3. Чего нет словаре. Токио, Хэйбонся, 1982. 296 с.
10. 酒井悠美 「無自覚の行為であることをあらわす副詞」, 『国文学解釈と鑑賞』 Сасаи Ю. Наречия со значением неосознанного действия. «Кокубунгаку сякухо то кансё», 1998. №1 (68). С. 94-103.
11. 村上絢乃 著 「無意識を表す副詞の意味分析:日本語教育への応用を目的に」 慶應義塾大学日本語・日本文化教育センター. 日本語と日本語教育 Мураками А. Семантический анализ наречий со значением произвольного действия – с точки зрения использования в обучении японскому языку. «Нихонго то нихонго кёйку». Центр японского языка и культуры университета Кэйю, 2013. №3. С.184.
12. 李澤熊, 「非意凶的であることを表す副詞(的機能を持つ表現)の意味分析--うっかり(と),うかうか(と),うかつに,うかつにも」 『日本語科学』 Ли Тхэгун. Семантический анализ наречий и наречных выражений,

- означающие непреднамеренное действие – ukkari(to), ukauka(to), ukat-suni, ukatsunimo «Нихонго кагаку», 2002. № 10. С. 153-168.
13. 李津態 (2003) 「主体の意図にかかわる副詞 (的機能を持つ表現) の意味研究」 博士学位論文、名古屋大学大学院国際言語文化研究科
Ли Тхэгун. Исследования наречий и наречных выражений, касающихся воли субъекта действия. Диссертация на степень доктора наук. Отделение лингвистики и культурологии университета Нагоя. 294 с.
 14. 万礼.非意図的な意味を持つ副詞と動詞のくみあわせ : 「思わず」「うっかり」を例にして. 日本語文法研究会研究会報告 Вань Ли. Сочетаемость глаголов и наречий со значением ненамеренного действия – на примере omowazu и ukkari. Доклады конгресса японского грамматического общества. 2012. № 32. С. 43-53.
 15. 张济卿.谈“偶然”和“たまたま”的区别. 日语学习与研究 Чжан Цзицин. О различии guuzen и tamatama «Жиюй сюэси юй яньцзю», 1993. №4. С. 34-36.
 16. 小矢野哲夫 「副詞の意味記述について–方法と実際–」 『日本語・日本文化』 (大阪外国語大学留学生別科) Кояно Т. О семантическом описании наречий – метод и практика. «Японский язык и японская культура», Осацкий институт иностранных языков, 1982. № 11 [Электронный ресурс] URL= www001.upp.so-net.ne.jp/ketoba/fuku-shinoimikijutsu.htm (дата доступа 19.09.2016).
 17. 現代日本語書き言葉平均コーパス Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка [Электронный ресурс] URL= http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата доступа 19.09.2016).

Об авторе

Чионов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: лингвистическая прагматика, теория дискурса, когнитивная лингвистика, проблемы лексической семантики.
E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru.

ADVERBIALS OF UNINTENTIONAL ACTION IN JAPANESE – PRAGMATIC POTENTIAL

S. V. Chironov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: This paper uses corpus data in order to track down the typical usage of Japanese adverbials of unintentional action. Their pragmatic potential is represented in connection with their meaning structure. Some additional clarifications in their speech functions are made through similar lexemes in

identical surroundings. These data allow us to conclude that besides their direct speech function – denoting an unintended action – the adverbials develop a set of conventional secondary roles in pragmatics. Now, what each adverbial means is closely linked with their original semantics, classifiable into three groups – uncontrolled, unintended and accidental.

Key Words: Japanese language, speech act, adverb, pragmatics, semantics, unintended action.

References

1. Chironov S. V. Modal'nye narečija èvidencial'noj semantiki v japonskom jazyke // Dostizhenija vuzovskoj nauki. Sbornik materialov XX Meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii g. Novosibirsk, 2 fevralja, 19 fevralja 2016 g. ob. red. S. S. Černova [Modal evidential adverbs in Japanese. In: Achievements in university research. Collected papers of the 20th International conference in Novosibirsk], Feb 2, Feb 19 2016, ed. S. S. Chernov), pp. 225-234.
2. Chironov S. V. Vvodnye oboroty ocenki v japonskom jazyke // Dostizhenija vuzovskoj nauki. Sbornik materialov XX Meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii g. Novosibirsk, 2 fevralja, 19 fevralja 2016 g. pod ob. red. S. S. Černova [Assessment insertions in Japanese In: Achievements in university research. Collected papers of the 20th International conference in Novosibirsk, Feb 2, Feb 19 2016 ed. S. S. Chernov], pp. 212-225.
3. Chironov S. V. Onomatopoeičeskie slova v sovremennom japonskom jazyke (problemy funkcionirovanija). Diss. kand. filol. n. Moskva, [Onomatopoeic words in Japanese, functional issues. PhD dissertation, Moscow], 2004. 208 p.
4. Searle J. R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge University Press, 1985. 231 p.
5. 伊藤加奈子「中国語の“偶然”に関するノート」『信州大学人文学部人文科学論集.文化コミュニケーション学科編』2006 (Ito K. Notes on the Chinese uran. Works on humanities, Shinshu university), no.3, pp. 103-110.
6. 河原崎 幹夫. 副詞の導入の具体的研究4 : つい・うっかり. 東京外国語大学外国語学部附属日本語学校 (Kawarazaki M. Research on adverbial insertion – part 4: tsui, ukkari. Collected papers of Tokyo foreign language university), 1978, no. 5, pp. 123-135.
7. 金承偶「非意図性を表す副詞の一考察・「ふと」と「思わず」をめぐって」『日本文化學報』(Kim Sungwu. Observations on adverbs of unintentional action - futo and omowazu. Nihon bunkagaku-ho , 2010, no.2, pp. 67-86.
8. 工藤浩「叙法副詞の意味と機能-その記述方法をもとめて-」『国立国語研究所報告 7 1 研究報告集 3』(Kudo H. Meaning and functions of adverbs – in search of a descriptive method. Reports by National institute of Japanese language. Vol. 71, no.3), 1982, pp. 45-92.
9. 国広哲弥、柴田武、長嶋善郎、山田進、浅野百合子 . ことばの意味3辞書に書いてないこと . 平凡社選書 (Kunihiro T., Shibata T.,

- Nagashima Y., Yamada S., Asano Y. Word meaning – 3. What’s not in the dictionary. Tokyo, Heibonsha, 1982. 296 p.
10. 酒井悠美「無自覚の行為であることをあらわす副詞」, 『国文学解釈と鑑賞』(Sasai Y. Adverbs on unintentional action. In: Kokubungaku shakuho to kansho), 1998, no.1 (68), pp. 94-103.
 11. 村上絢乃 著「無意識を表す副詞の意味分析:日本語教育への応用を目的に」慶應義塾大学日本語・日本文化教育センター.日本語と日本語教育 (Murakami A. Semantic analysis of adverbs of unintentional action – from the angle of application in Japanese learning. In: Nihongo to nihongo kyoiku. Japanese language and culture centre of Keio university), 2013, no.3. P.184.
 12. 李澤熊. 「非意図的であることを表す副詞(的機能を持つ表現)の意味分析--うっかり(と),うかうか(と),うかつに,うかつにも」 『日本語科学』(Li Thaekun. Semantic analysis of adverbs and adverbial expressions meaning unintentional action – ukkari(to), ukauka(to), ukatsuni, ukatsunimo In: Nihongo kagaku), 2002, no.10, pp. 153-168.
 13. 李津態 (2003) 「主体の意図にかかわる副詞 (的機能を持つ表現) の意味 研究」 博士学位論文、名古屋大学大学院国際言語文化研究科 (Li Thaekun. Research of adverbs and adverbial expressions related to the volition of the subject. PhD dissertation. Linguistics and culture dept, Nagoya univevrsity. 294 p.
 14. 万礼.非意図的な意味を持つ副詞と動詞のくみあわせ:「思わず」「うっかり」を例にして. 日本語文法研究会研究会報告 (Wan Li. Compatibility of verbs and adverbs meaning unintentional action as exemplified by omowazu and ukkari. Reports by Japanese grammar society), 2012, no. 32, pp. 43-53.
 15. 张济卿.谈“偶然”和“たまたま”的区别. 日语学习与研究 (Zhang Jixing. On the difference between guuzen and tamatama In: Riyu xuexi yu yanjiu), 1993, no. 4, pp. 34-36.
 16. 小矢野哲夫 「副詞の意味記述について-方法と実際-」 『日本語・日本文化』 (大阪外国語大学留学生別科) (Koyano T. On semantic description of adverbs – methods and practices. In: Japanese language and culture, Osaka institute for foreign languages), 1982, no. 11 [Electronic resource] URL= www001.upp.so-net.ne.jp/ketoba/fukushinoimikijutsu.htm (accessed on Sept 19, 2016).
 17. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Balanced corpus of written Japanese) [Electronic resource] URL= http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (accessed on Sep 19, 2016).

About the author

Chironov Sergey V. – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolean language, MGIMO-University (Russia, Moscow). Research interests: linguistic pragmatics, discourse theory, cognitive linguistics, issues in lexical semantics.
E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru.

* * *